

С Ы Н Ъ
О Т Ё Ч Е С Т В А.

1814. N° XLIX.

ЛИТЕРАТУРА, НАУКИ, ХУДОЖЕСТВА.

I.

Прогулка въ Академію Художествъ.

Письмо стараго Московскаго жителя къ другу, въ деревню его N.

Ты потребуешь отъ меня, мой старый другъ, продолженія моихъ прогулокъ по Петербургу. Повинуюсь тебѣ.

На эпошъ разъ я буду говорить объ Академіи Художествъ, кошорая, послѣ двадцатилѣтняго нашего отсутствія изъ Петербурга, сколько перемѣнилась... „Говори, говори объ Академіи Художествъ!“ такъ воскликнешь ты, начиная чтеніе моего большаго письма: — „мы издавна любили живопись и скульптуру, и въ швоемъ маленькомъ домикъ на Прьснѣ (кошораго теперь и слѣдовъ не осталось!) мы часто заводили жаркіе споры о головѣ Аполлона Бельведерскаго, о мизинцѣ Гебы славнаго

Качовы, о конѣ Петра Великаго, о кисти *Рафаеля*, *Кореджіо*, даже самаго *Сальватора Розы*, *Мурилло*, *Койлеля* и пр. Такъ! я во многомъ съ шобой соглашался, а шы ни въ чемъ со мною, а еще менѣе съ добрымъ живописцемъ *Ализовымъ*, съ поварищемъ славнаго *Лосенкова*, копорый часто смѣшилъ и сердилъ насъ своимъ упрямымъ и добродушиемъ. Мы спорили. Время лезло въ пріянныхъ разговорахъ. Щасливое, невозвратное время! — Пожаръ Москвы поглотилъ и домикъ швой со всѣми дурными картинками и эстампами, копорые шы покуналь за безцѣнокъ у поргашей на аукціонахъ, и въ Нѣмецкой слободѣ, у опшавныхъ спряичихъ. Онъ поглотилъ маленькую Венеру, въ копорой шы находилъ нѣчто божественное и бюшь Вольперовъ съ опбишымъ носомъ и маленькаго Амура съ факеломъ, и бронзоваго Фавна, копорого Ализовъ опрыль — будшо бы — на развалинахъ какой шо бани близъ Неаполя, и копорымъ онъ приводилъ въ восхищеніе и себя и меня и всѣхъ знашюковъ нашего квартала. Пожаръ, немилосердый пожаръ поглотилъ

даже акаціевую бесѣдку, съ красивыми скамейками, съ дубовымъ столомъ, на кошоромъ мы, разливая чай, любовались прелесными видами: Москвою рѣкою, кошорая извиваешся по лугу вокругъ спѣнь и высокыхъ башень Дѣвичьяго монастыря, Васильевскимъ; Воробьевыми горами, съ нѣвысшими рощами — и закашомъ вечерняго солнца. Пожаръ все разрушилъ. Но въ памяти моей оспалось воспоминаніе швоей любви къ изящнымъ художествамъ, и охоты спорить, кошорая конечно укротилась опъ времени; а болѣе всего опъ политическихъ обстоятельствъ. И шакъ, говори объ Академіи Художествъ, о произведеніяхъ нашихъ артистовъ: я буду слушать съ удовольствіемъ. Всякая новостъ изъ столицы пріятна пушыннику, кошорый и на старости лѣтъ еще пламенно любитъ Отечествъ; успѣхи и славу согражданъ.“ Вошь, что шы скажешь, развернувъ мое письмо. — Я начну мой разказъ *сначала*, какъ начинаешь обыкновенно болтливая старостъ. Слушай:

Вчерашній день пошпру, сидя у окна моего съ Моншанемъ въ рукъ; я предался

сладостному мечпанію, въ кошоромъ шебъ не могу дашь совершенно опчета; книга и чипанное мною было совершенно забыно. Помню шолько, что взглянувъ на Неву, покрышую судами, взглянувъ на великолѣпную набережную, на кошорую, благодаря привычкѣ, жишели Пешербургскіе смощряшь холоднымъ окомъ, люблюсь безчисленнымъ народомъ, кошорый волновался подь моими окнами, симъ чудеснымъ смѣшеніемъ всѣхъ націй, въ кошоромъ я опличалъ Англичанъ и Азіашцовъ, Французовъ и Калмыковъ, Рускихъ и Финовъ, я сдѣлалъ себѣ слѣдующій вопросъ: что было на этомъ мѣснѣ до построения Пешербурга? — Можешь бышь, сосновая роща, сырой, дремучій боръ или шонкое болото, поросшее мхомъ и брусникою — ближе къ берегу лачуга рыбака, кругомъ кошорой развѣшены были мережи, невода, и весь грубый снарядъ скуднаго промысла. Сюда, можешь бышь, съ шрудомъ пробирался охощникъ, какой нибудь длинно-власый Финь

За лавью быстрой и рогашой,

Прицѣлясь къ ней стрѣлой пернашой.

Здѣсь все было безмолвно. Рѣдко человѣческій голосъ пробуждалъ молчаніе пуспныни дикой, мрачной, безмолвной. А нынѣ?..

Я взглянулъ, невольно на Троицкій мостъ, попомъ на хижину Великаго Монарха, къ кошорой по справедливоспи можно примѣнишь извѣстный стихъ:

Souvent un faible gland recèle un chêne immense!

И воображеніе мое представило мнѣ Пешра, кошорый въ первый разъ обозрѣвалъ берега дикой Невы, нынѣ споль прекрасные! — Изъ крѣпоспи *Нюсканцъ* еще гремяли Шведскія пушки, усъе Невы еще было покрыто непріяшелемъ, и частые ружейные выспрѣлы раздавались по берегамъ, когда великая мысль родилась въ умъ великаго человѣка. Здѣсь будешь городъ, сказалъ онъ, чудо свѣша. Сюда призову всѣ художесшва, всѣ искусствва. Здѣсь художесшва, искусствва, гражданскія усшановленія и законы побѣдятъ самую природу. Сказалъ — и Пешербургъ возникъ изъ дикаго болота.

Съ какимъ удовольствіемъ я воображалъ себѣ Монарха, обозрѣвающаго начальныя работы: здѣсь валъ крѣпоспи, шамъ магазины,

фабрики, Адмиралшейство. Въ ожиданіи обѣд-
ни, въ праздничный день или въ день шор-
жесхва побѣды, Государь часто сиживаль
на новомъ валѣ съ планомъ города въ рукахъ,
прошивъ крѣпостныхъ воронъ, украшен-
ныхъ изваяніемъ Апостола Петра, изъ гру-
баго дерева. Именемъ Свяшаго долженъ былъ
назвашься городъ, и на жеспяной доскѣ, при-
бишой подъ его изваяніемъ, изображался
1703 годъ Римскими цыфрами. На ближнемъ
басціонѣ, развѣвался желшый флагъ, съ боль-
шимъ чернымъ орломъ, кошорый заключаль
въ когняхъ своихъ чешыре моря, подвласны
ныя Россіи. Здѣсь толпились вокругъ Монар-
ха иностранные корабельщики, машросы,
художники, ученые, полководцы, воины: межъ
ними, просшый рожденіемъ, великій умомъ,
любимецъ Царскій *Меншиковъ*, великодушный
Долгорукій, храбрый и дѣяшельный *Шерем-
тевъ* и вся фаланга героевъ, кошорые созда-
ли съ Петромъ величіе Рускаго царшва...

Такимъ образомъ, погруженный въ мое
мечшаніе, я не примѣшилъ, что двери ком-
нашы опшворились, и сынъ моего спараго
пріяшедя Н., молодой, весьма искусной ху-

дожникъ, привѣщивоваль меня съ добрымъ упромъ. Я пришелъ нарочно за вами, сказалъ онъ: сегодня Академія Художествъ открыта для любопытныхъ, и я готовъ быть вашимъ пушеводителемъ, вашимъ Чичероне, еснъли угодно! — Вы увидите много хорошаго, полюбуетесь нѣкошорыми произведеніями Рускаго рѣзца и кисти; о другихъ шеперь ни слова. Посмотрите, продолжалъ онъ, открывая окно: какое прекрасное время! Весь городъ гуляеть, и мы съ шолпой гуляющихъ непримѣшнымъ образомъ прійдемъ въ Академію. Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ я молодому человекъ: около двадцати лѣтъ я не видалъ Академіи, и какъ здѣсь все идетъ исплинскими шагами къ совершенству, то надѣюсь, что и художества приведуть меня въ пріятное изумленіе. Вошь мой посохъ, моя шляпа — пойдёмъ!

И въ самомъ дѣлѣ время было прекрасное. Ни малѣйшій вѣшперокъ не струилъ поверхности величественной первой рѣки въ міръ, и я привѣщивоваль мысленно Богиню Невы, словами Поэта:

Обтекай спокойно, плавно,
 Горделивая Нева,
 Государей зданье славно
 И пѣнисшы острова!

Великолѣпныя зданія, позлащенные упрени-
 нимъ солнцемъ, ярко отражались въ чистомъ
 зеркалѣ Невы, и мы оба единогласно вос-
 кликнули: какой городъ! какая рѣка! —

Единственной городъ! повспорилъ моло-
 дой человекъ. Сколько предметовъ для ки-
 сши художника! умѣй только выбирать.
 И какъ жаль, что мои товарищи мало
 пользуются собственнымъ богатствомъ;
 живописцы перспективы охотнѣе пишутъ
 виды изъ Италіи и другихъ земель, нежели
 сіи очаровательныя предместья. Я часто
 съ горестію смотрѣлъ, какъ въ прескучіе
 морозы они шурдяшя надъ пламеннымъ не-
 бомъ Неаполя, пираяшя свое воображеніе
 — и часто взоры наши. Пензажъ долженъ
 бытъ поршренъ. Еслили онъ не совершен-
 но похожъ на природу, то что въ немъ? —

Надобно разсѣхашься съ Пешербургомъ,
 продолжалъ онъ: — надобно разсѣхашься на
 нѣкоторое время, надобно видѣшь древнія
 столицы: вѣхій Парижъ, закопченный Лоп-

донъ, чшобъ почувствовать цѣну Пешербурга. Смошрите — какое единство! Какъ всѣ части отвѣчаютъ цѣлому! Какая красота зданій, какой вкусъ, и въ цѣломъ какое разнообразіе, происходящее отъ смѣшенія воды съ зданіями. Взгляните на рѣшешку лѣшняго сада, которая отражается зеленью высокихъ липъ, вязовъ и дубовъ! Какая легкость и стройность въ ея рисунокѣ! Я видѣлъ славную рѣшешку Тюльерійскаго замка, ошягченную, раздавленную, шакъ сказашъ, украшеніями — пиками, касками, шрофеями. Она безобразна въ сравненіи съ эшой.

Эншузисемъ, съ которымъ говорилъ молодой художникъ, мнѣ весьма понравился. Я пожалъ у него руку и сказаль ему: изъ тебѣ будешъ художникъ! Не знаю, поняль ли онъ мои пророческія слова, но посмошрѣвъ на меня съ улыбкою удовольствія, продолжалъ: взгляните шеперь на набережную, на сіи огромные дворцы—однѣ другаго величественнѣе! на сіи дома — однѣ другаго красивѣе! Посмошрите на Васильевскій ошровъ, образующій шреугольникъ, украшенный бир-

жею роспральными колоннами и гранишною набережною, съ прекрасными спусками и лѣспницами къ водѣ. Какъ величественна и красива эша часть города! Вошь произведеіе, досшойное покойнаго *Толмона*, сего неупомимаго иносстранца, кошорый посвятилъ намъ свои дарованія, и сполько способствовавалъ къ украшенію Сѣверной Пальмиры. Теперь ошь биржи, съ какимъ удовольствіемъ взоръ мой слѣдуешъ вдоль береговъ, и шеряешся въ шуманномъ опдаленіи между двухъ набережныхъ, единственныхъ въ міръ! — Такъ, мой другъ, воскликнулъ я, сколько чудесъ мы видимъ передъ собою, и чудесъ созданныхъ въ споль корошкое время, въ спольшіе — въ одно спольшіе! Хвала и честь Великому Основашелю сего города! Хвала и честь Его преемникамъ, кошорые довершили едва начашое Имъ, среди войнъ, внушреннихъ и вишьнихъ раздоровъ! Хвала и честь Александру, кошорый болѣе всѣхъ въ шеченіе своего царшвованія, украсилъ сполицу Сѣвера! И въ какія времена? Когда бремя и участь цѣлой Европы лежали на его сердцѣ,

когда врагъ поглощала землю Рускую, когда мечъ и пламень безумца пожирала шо, что созидали вѣки...

Разговаривая такимъ образомъ, мы подходили къ Адмиралшескому. Помню, скажешь ты, помню эшу безобразную длинную фабрику, окруженную подъемными мостами, рвами глубокими, но не чисными, заваленными досками и бревнами. — Остановись, почтенный мой приятель! Кто не былъ двадцать лѣтъ въ Петербургъ, тотъ его конечно не узнаешь. Тотъ увидишь новой городъ, новыхъ людей, новые обычаи, новые нравы. Вотъ, что я повсюрю тебѣ ежедневно въ моихъ запискахъ. И здѣсь тоже превращеніе. Адмиралшескому, перестроенное *Захаровымъ*, превратилось въ прекрасное зданіе и составляетъ теперь лучшее украшеніе города. Прихопивые знашюки недовольны шарымъ шницомъ, кошорой не сошвѣшесвуешь, по словамъ ихъ, новой колоннадѣ — но за шо колоннада и новые павильоны или опдѣльные флагели прелешны. Вокругъ сего зданія расположенъ сей прекрасный бульваръ, обсаженный липа-

ми, которыя всё принялись и защищающъ
 ошь солнечныхъ лучей. Прелестное, един-
 ственное гульбище, съ котораго можно ви-
 дѣшь все, что Петербургъ имѣеть вели-
 чественнаго и прекраснаго: Неву, Зимній
 дворець, великолѣпныя дома дворцовой пло-
 щади, образующей полукружіе, Невскій про-
 спектъ, Исакиевскую площадь, конно-гвар-
 дейскій манежь, который напоминаетъ Пар-
 шемонъ, прелестное строеніе Г. *Гваренги*,
 Сенатъ, монументъ Петра I и снова Неву
 съ ея набережными!

(Продолженіе впрѣдъ.)

II.

Нынѣшняя Литература западной Европы.

(Окончаніе.)

Зрѣлище, представляемое Липерапурою Германскихъ народовъ, невовсе огорчительно!

Британцы. Цвѣтъ Англійской поэзіи будетъ свидѣтельствовать въ вѣкахъ славу Германскаго имени; но уже за двѣсши лѣтъ предъ симъ скончался *Шекспиръ*, за сто пятьдесятъ *Милтонъ*, остроумный и глубоко-мысленный *Поле* за восемьдесятъ, *Филдингъ* почши за пятьдесятъ. Нынѣ поэзія въ Англіи перешла въ наслѣдство по женской линіи. Изъ - за канала несется къ намъ единообразное завыванье сочинительницъ романовъ!

Въ Исторіи *Юмъ*, *Гиббонъ* и *Робертсонъ* похишили величайшія награды, бывшія у кошораго либо изъ новѣйшихъ народовъ. *Роско*, по окончаніи жашвы, сплелъ себѣ вѣнокъ изъ подобранныхъ колосьевъ. Нынѣ — историческія сочиненія Англичанъ содержатъ въ себѣ одни почши извѣстія о путешествіяхъ чужеземныхъ, но извѣстія, ни-

банныя съ благородствомъ и изящесствомъ; сообщенными ихъ языку помянутыми великими писателями.

Всенародное сужденіе никогда не умолкнешь въ Англіи, доколь она имѣешь нынѣшнюю конспиріуцію и доколь ея промышленность объемлеть весь шаръ земной. Но сравнише содержаніе и характеръ нынѣшняго всенароднаго сужденія съ тѣмъ, которое было у нихъ во время Американской войны или даже въ началъ Французской революціи! Нельзя не увѣришься, что въ преніяхъ употреблены всѣ возможныя пружины краснорѣчія, что у Бришанцевъ все объяснено — *все сказано!* Желаемъ, чтобы сіе состояніе величайшей, столь блистательной *зрѣлости* еще долго, долго было удѣломъ благородной Бришанской націи!

Еслили обратимся къ Германскимъ племенамъ на твердой землѣ, то увидимъ, что и въ Литературѣ раздробленіе народовъ на малыя часши преняшесвуешь важнымъ успѣхамъ.

Первое поколѣніе, встрѣчающееся намъ, употребляешь языкъ, которой въ самомъ

дѣль есть нарѣчіе Нѣмецкихъ рыбаковъ. Неужели иностранцы, да и сами образованные Голландцы, могутъ говорить о *Голландской поэзіи* и *Исторіи*, когда первая требуетъ пріятности, а послѣдняя важности языка? — *Всенародное сужденіе* въ Голландіи заключается въ кабинетахъ.

Съ равными требованіями на народныя права, и съ равнымъ недоспапкомъ собственнаго языка, являешься на другомъ краю западной Германіи племя его паспуховъ и охотниковъ, на горахъ Альпійскихъ; но всѣ великіе стихотворцы и историки *Швейцаріи* писали и пишутъ по Нѣмецки или по Французски. Всенародное сужденіе въ нынѣшнее время бранишь за бездѣлки съ такимъ пламенемъ, которое грозитъ пожаръ и предметъ спора и спорчиковъ. — Литература Швейцаріи нынѣ не существуетъ.

Малѣйшій изъ Германскихъ народовъ, числомъ своимъ, есть *Датскій*. Сему обстоятельству должно приписать то, что Литература сего народа, при всей его силѣ, менѣе уклонилась отъ Нѣмецкой, нежели Голландская. Многие, ошлчные талантами

Данчане, находя предсавляющіеся имъ въ Даніи предметы слишкомъ маловажными, и спремясь на обширнѣйшее поприще, сдѣлались въ поже время хорошими *Нѣмецки* или стихотворцами и писателями, а въ Данской Лихерапурѣ опличающія многіе Нѣмцы, поселившіеся съ молодыхъ лѣтъ въ Копенгагенъ. — Нынѣ, кажешся, что Данская *лоэзія* слишкомъ заразилась Нѣмецкимъ кудравымъ стихотворствомъ, и по сей причинѣ никогда не можешь достигнуть опличной степени совершенства. *Исторія* въ Даніи всегда была не иное что, какъ ученая компиляція, а *всенародное сужденіе*, которое лѣтъ за 20 или за 15 предъ симъ громко раздавалось въ Копенгагенъ, усшарѣло, по видимому, съ писателями того времени.

Норманны и *Шведы* многочисленнѣе Данчанъ, но двѣ причины препяшествовали у обоихъ сихъ народовъ процвѣшанію народной Лихерапуры: разсѣяніе населенія на слишкомъ великомъ пространствѣ, и ушверженіе политическаго бышія ихъ земель на связяхъ съ чужеземнымъ. По сей причинѣ уже съ 17 вѣка опличные умы

Шведы писали на Лашинскомъ и Французскомъ языкахъ, а на прекрасномъ, звучномъ Норвежскомъ нарѣчїи написано немного, но и немногое сіе свидѣтельствуетъ, что оно способно ко всѣмъ родамъ Литературныхъ произведеній.

Наконецъ приближились мы къ Литературѣ главнаго Германскаго поколѣнія, *Нѣмцовъ*, кошорая не смотря на всѣ прешерпѣнныя сею націею бѣдствія, естъ самая богатая и дѣшпелная нынѣшняго времени. Предметы, представляемые ею, слишкомъ многочисленны, и я долженъ въ первыхъ двухъ разрядахъ Нѣмецкой Литературы ограничиться краткими замѣчаніями, чшобъ распространиться о послѣднемъ, важнѣйшемъ.

Безъ сомнѣнія всѣ помнятъ о ребяческой важности, съ кошорюю за нѣсколько лѣтъ предъ симъ судили въ Германїи о достоинствѣ новыхъ стихотвореній, картинъ и даже театральныхъ ролей. О нихъ говорили и спорили передъ публикою, какъ о дѣлахъ, важныхъ для всего народа. Надобно бышь справедливыми: не должно упрекать ихъ,

кошорые во время бездѣйствія политическаго, упошребляли на шакіе предметы свою силу, кошорой не могли обратишь на лучшее; но сіе явленіе было однимъ изъ самыхъ рѣшительныхъ признаковъ общаго разслабленія. — Чрезвычайныя происшествія послѣднихъ осьми лѣтъ опчаспи прекрашили сіе заблужденіе. Оно исчезнешь вовсе: новый, лучший періодъ Литерашуры начнешь общєю истиною, что всякое *произведеніе искусства*, доставляющее современникамъ благородное наслажденіе, всякое *ловѣствованіе*, представляющее истину въ поучительномъ и пріятномъ видѣ, имѣють свое *достоинство*. Сія Литерашура не будешь состояшь изъ разсужденій и подражаній своей или чужей старинѣ, а будешь печерпанъ цѣль и средства свои изъ характера современниковъ, не спанешь съ упрямствомъ ссылашь на приговоръ пошомсѣва, а будешь спарашься о пріобрѣшеніи достойной хвалы наснющаго времени и — сдѣлаешь *народною*.

Всенародное сужденіе о предметахъ Литерашуры въ Германіи, родившееся во время реформаціи, имѣло періоды блистатель-

льге и шускльге. Трудно найши предметъ или мысль, о кошорыхъ бы Нѣмцы уже давно не разсуждали. Въ отношеніи къ наукамъ имѣли сіи разсужденія успѣхъ самый важный, а въ полишикѣ самый ничшожный. Побужденія писашелей разныхъ Нѣмецкихъ Государствъ въ полишическихъ сужденіяхъ, и цѣль, къ кошорой они стремились, были совершенно между собою различны. Нещасія Австріи во время революціонной войны обрапили наконецъ надежды всѣхъ малыхъ владѣній на Пруссію. Есльлибъ Германія шла нѣсколько льпшъ спокойно симъ пушемъ, шо вѣроятно ощутила бы неожиданная послѣдствія. — Бшшва Ленская заглушила всѣ голоса пашріошовъ въ Германіи. При семъ нельзя обращашь вниманія на шо, что наемные писашели, жившіе въ безопасномъ мѣстѣ, приправляли ежемѣсячные или ежегодные посшавки свои на Лейцигскую ярмонку, скрышнымъ ругашельшвомъ прошивъ Бонапаршовой особы. — Но когда чудесный лучъ съ сѣвера распоргъ оковы Германіи, раздались голоса Нѣмецкихъ писашелей. Каждый видѣль,

что должно возбудить народъ, и каждый чувствовалъ себя къ тому способнымъ. Одни изливали досаду свою въ ругательствахъ, другіе кричали изо всей силы: Арминій! Арминій! Нѣкоторые представляли патристическія свои мысли въ лицѣ Арлекина. Между нѣмъ мужи благородные, достойные всякаго уваженія, *Аридтѣ*, *Рефусѣ*, *Гёрресѣ* и нѣкоторые другіе, воззвали народъ, и превратили чувство бѣдствія его въ пламенные *мысли*, которыя вскорѣ сдѣлались *дѣлами*.

Время борьбы на полѣ брани, за бытіе и права Германской націи, нынѣ прошло. Не возвратишься ли оно? А когда возвратишься, тогда найдешь ли по *единство* націи, которыми она въ *нынешній разѣ* одержала побѣду? — Мечтаю ли я или не должно примѣчать того, что великое, благородное восклицаніе: за Германское Ошечество! уже раздѣлилося на сотни разногласныхъ криковъ, изъ которыхъ каждый защищаетъ *свою* выгоду рѣзкимъ, оскорбительнымъ образомъ? — что голоса, возникающіе въ пользу общаго дѣла, сплывающія слабѣе, неопредѣленнѣе, боязли-

вѣе? — что въ нѣкошорыхъ мѣспахъ даже хвалашъ врага, низверженнаго съ шолкшмъ шрудомъ и напряженшмъ, и спарашмъ возбудшш пагубное разгласше? — Недавно чшшалъ я въ одной изъ самыхъ извѣсшныхъ ученыхъ Вѣдомосшей *Германш*: „что опрѣ- „ченше опъ шрона Бонапарша, ещъ добро- „вольшо подданное шмъ доказашельсшво вели- „каго его благородсшва.“ Въ шой же самой сшашъ злобнымъ, неблагодарнымъ образомъ возбуждаемо было подозрѣше прошвъ державы, кошорая одна могла спашш и спаша Германш — и *шновъ* спашеш ее, когда раздоръ и измѣна шведущъ ее на край пошбелш!

Даш Богъ, чшшобъ всѣ сш наблюдешя бшлш ошбшкаш! Да возвысшсш вскорѣ въ Германш мужш, одаренные шспшннымъ краснорѣчшмъ, да шведущъ онш въ молчанше мѣлочные спорш различныхъ паршш, и да сохрашшш вѣрносш всей нацш къ ея шспшнной польщ и шспшннымъ друзьямъ! — Пущъ монументъ, шздвшгаемый Нѣмцаш въ памяш Лейпцшгской бшшвы, не бущеш *послѣднимъ* доказашельсшвомъ шхъ народнаго

духа! Греки одержали победы при Термопилахъ и Саламись, но подверглись рабству и поныни въ немъ помянся.

Меркель,

III.

СОВРЕМЕННАЯ РУСКАЯ БИБЛОГРАФІЯ.

Новыя книги:

215 x *Трактатъ о политической Эстетикѣ и приложеніи оной къ разнымъ общенароднымъ предметамъ. Россійское сочиненіе. С. П. б. 1814* въ шип. Ив. Байкова въ 8. 90 спр.

(Новая наука! — Для любопытныхъ сообщаемъ ея опредѣленіе: „Полишическая Эстетика шолкуеть о произведеніяхъ изящныхъ искусствъ въ шомъ отношеніи, чтошъ они, будучи соображены и соразмѣрны съ образомъ правленія, съ климатомъ, съ произведеніями Государства, со нравами и съ религіею народа, служили бы къ пользѣ и славѣ общенародной и не причиняли бы никакого вреда. (спр. 1б) „Науки, художества и искусства, которыя разсмашриваются въ Полишической Эстетикѣ, суть: Архитектура, Геральдика, Скульптура, Садовство, Живопись, Краснорѣчіе, Поэзія и Музыка“ — Въ семь пракшпѣ разсмашривается одна Архитектура. Для возбужденія честшлюбія, любви къ Отечеству, храбрости, словомъ всѣхъ гражданскихъ добродѣтелей, сочинитель пракшпа предлагаетъ выстроитъ въ каждомъ Губернскомъ городѣ Дворянской замокъ, въ каждомъ уѣздномъ рашушу, а въ каждой деревнѣ земскую избу, и выкраситъ сіи строенія по цвѣтамъ по-

лей герба Губернии, города или помѣщика. Сожалѣемъ, что шѣсныя предѣлы Библіографіи не позволяющъ намъ распространиться о сей книгѣ, единственной въ своемъ родѣ!)

216 × Was ist Alexander uns, und was ist Er der Welt? Eine Rede zur Feier des Allerhöchsten Geburtstages Seiner Kaiserlichen Majestät Alexanders des Ersten, Selbstherrschers aller Rußen u. s. w. am 12ten Dec. 1813 gehalten im großen Hörsaale des Gymnasium illustre zu Mitau von D. G. S. Bilterling, öffentlichen Lehrer der Religion und Philosophie an demselben Gymnasium. Zum Besten eines studierenden Junglings. (Что есть Александръ для вселенной и что Онъ есть для насъ? Речь, произнесенная при торжествѣ дня рожденія Его Императорскаго Величества Александра Перваго, Самодержца Всероссийскаго, 12 Дек. 1813 въ залѣ Митавской Гимназіи. Д. Г. З. Билтерлингольдъ, Учительмѣ Религіи и Философіи при оной Гимназіи. Напечатана въ пользу учащагося юноши.) Митавъ, 1814, въ тип. Стеффенгаеля и сына въ 8. 32 стр.

217 × Слово похвальное Всемилостивѣйшему Государю Императору Александру Первому, Августѣйшему Избавителю и Миротворцу Европы, произнесенное въ публичномъ годовомъ собраніи Императорскаго Московскаго Университета Юля 10 дня 1814 года Профессоромъ Алексѣемъ Мерзляковымъ. Москва 1814 въ Унив. тип. въ 4. 45 стр.

218 × Oratio in solemnibus, quibus Universitas Litterarum Caesarea Mosquensis pacem cum Gallia feliciter restitutam celebravit, die X Julii An. MDCCCXIV habita a G. Fischer. Ph. et Med. Doctore, S. C. M. a Cons. aulicis, Ord. Sti. Vladimiri quartae classis Equite, Professore P. O. Musei Univers. et Soc. Imp. Nat. Scrut. Directore, etc. (Речь при торжествѣ мира съ Франціею, въ собраніи Императорскаго Московскаго Университета произнесенная Г. Фишеромъ. Фил. и Медици-Докторомъ, Профессоромъ, Надв. Совѣтникомъ

и Кавалеромъ и пр.) М. 1814 въ Унив. шип. въ 4. 8 стр.

219 × Слово о необходимыхъ средствахъ къ подкрѣпленію слабаго младенческаго возраста, для размноженія въ Отецествѣ нашемъ народа. Въ публичнои торжественнои собраніи Императорскаго Московскаго Университета Іюля 10, 1814 года, произнесенное Надв. Сов. Мед. Докторомъ П. Э. Профессоромъ и Медико-Физическаго Общества Членомъ Алексѣемъ Данилевскимъ. Москва. 1814. Въ Унив. шип. въ 4. 23 стр.

22 × Rede über die vornehmsten Ursachen der Vaterlandsliebe und deren Einfluß auf den Flor und die Dauer der Staaten, geh. bei der Jahresfeier der Kaiserl. Moskowschen Universität am 10. Jul. 1814 von Julius Ulrich, Adjunkt der Facultät der schönen Wissenschaften. (Рѣчь о важнѣйшихъ причинахъ любви къ Отечеству и о вліяніи оной на процвѣтаніе и твердость Государствъ, произнесенное въ годичнои торжественнои собраніи И. М. Университета, 10 Іюля 1814 г. Юліемъ Урихомъ, Адъюнктомъ Факультета изящныхъ наукъ.) Москва. 1814 въ Унив. шип. въ 4. 20 стр.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢЧАНІЯ.

Vitam impendero tereo.

Издатели С. О., начавъ сообщать Чинапельямъ своимъ безприсрастныя замѣчанія на книги, упоминаемыя въ *Современной Библиографіи*, предвидѣли, что обращая на себя гнѣвъ и немилость всѣхъ дурныхъ писателей, книгопродавцевъ и типографщиковъ, которые не стыдятся перепечашиваніемъ чужихъ трудовъ, и упражненіемъ въ благородномъ искусствѣ *компиляции* оббивать у публики охоту къ покупкѣ хорошихъ книгъ и шѣмъ вредить успѣхамъ Литературы; но всѣ бурныя и крошкія, замысловатыя и просподушныя изъявленія сего негодованія не въ соспоянїи отвращишь Издашелей С. О. отъ предположенной ими цѣли: они объявляють какъ шѣмъ Господамъ, о кошорыхъ упомянули выше, такъ и всѣмъ другимъ, кошорые вступяшъ въ ихъ слѣды, что ничто въ свѣшѣ не принудишь ихъ поступишь прошивъ совѣсти: хорошую книгу назвашъ дурною, дурную хорошею, или не отккрышь нагошы, облекаемой въ великолѣпныя газетныя реляціи.

Въ 38 кн. С. О. на стр. 243 сдѣлано самое крошкое замѣчаніе на книгу: *Собраніе стихотвореній, относящихся къ незабвенному 1812 году*. *) Сочинишель сей спашъи, имѣвшій все пра-

*) Вотъ оно: „Съ сожалѣніемъ должны мы сказать, что сіе собраніе стихотвореній, взятыхъ изъ разныхъ Журналовъ и особыхъ книжекъ, не можешь назвашъя хорошимъ. Между прекрасными стихотвореніями помѣщены самыя посредшвенныя и дурныя безъ всякаго разбора. При томъ число первыхъ весьма невелико, а послѣднія занимають большую часть

во сказать, что эта книга выкрадена из других, удовольствовался шѣмъ, что назвалъ выборъ пѣсть, сославляющихъ ее, неудачнымъ. Вдругъ появилось въ Юль и Августъ *Историческаго, Статистическаго и Географическаго Журнала* (на стр. 166.) сильное защищеніе этой компиляціи, написанное однимъ изъ Авшоровъ, копорыхъ пруды въ ней помѣщены. Полагая, что не всѣ изъ нашихъ Чипашелей имѣють сей Журналъ, почишаемъ неизлишнимъ сообщити сначала содержаніе сего возраженія.

„1) Издашель не назвалъ книги своей Собраніе *лучшихъ* стихотвореній, а вообще просто *собраніе стихотвореній, относящихся къ 1812 году*, желая соопечественникамъ своимъ принести удовольствіе, предспавивши имъ собраннныя вмѣстѣ различныя изображенія сердечныхъ чувствованій веселящихся и поржествующихъ Россовъ.“

„2) Въ книгѣ сей помѣщены стихотворенія Россійскихъ писашелей *) копорыя Крипикъ ни какъ не можешь назвашъ ни самыи худыи, ни самыи посредшвенными. при шомъ же не мало помѣщено стихотвореній изъ *Сына Отечества, Вѣстника Европы* и другихъ Журналовъ, копорыхъ Издашели могутъ сами за себя отвѣчать, таковыя ли помѣщаются ими стихотворенія, какими называетъ ихъ Крипикъ. Защишникъ же, съ своей спороны находитъ между ими нѣкопорыя стихотворенія хотя еще не слишкомъ извѣсныхъ Сочинишелей, но заслуживающія вниманія любителей хорошдаго чщенія, какъ напр. *Пѣснь на поражение Галльскаго Фараона Г. У.....* (стр. 104)

сей книги Видно, Издашель ея имѣлъ въ виду угодишь публикѣ *количествомъ*, а не *качествомъ*, и въ семъ случаѣ совершенно достигъ своей цѣли.“

*) Въ ошвѣстѣ они названы. Мы, избѣгая всякой личносши, выпускаемъ имена.

и нѣкоторыхъ другихъ, дарованіями своими и пріяннымъ вкусомъ общающихъ принести пользу Ошечеству. Впрочемъ Защищникъ утверждаетъ, что въ означенной книгѣ нѣтъ ни одного такого сочиненія, которое можно было бы въ прямомъ смыслѣ самымъ посредственнымъ и худымъ назвать, хотя конечно между ими есть спешени различія и не малыя; припомъ же Защищникъ по своей совѣсти никакого сочиненія, кромѣ развратнаго и распущнаго самымъ худымъ назвать не можетъ и полагаетъ, что кто находить удовольствіе въ собраніяхъ стихотвореній, тошъ можетъ найти его въ семъ собраніи. *)“

Первая статья возраженія совершенно оправдываетъ Сочинителя замѣчанія въ *Библиографіи*. Издатель собранія хотѣлъ напечатать собраніе *не лучшихъ, а какихъ нибудь* стихотвореній, то есть, по словамъ замѣчанія, угодишь публикѣ *коллежствомъ*, а не *качествомъ* ихъ. Еслибы онъ хотѣлъ издать собраніе *всѣхъ* стихотвореній, относящихся къ 1812 году и изъяснилъ сію цѣль на заглавіи или въ предисловіи, то Сочинитель замѣчанія сказалъ бы, что многія стихотворенія, напечатанныя на происшествія 1812 года, не споятъ бумаги, и что преданіе ихъ забвенію есть лучшая услуга, которую можно оказать ихъ Сочинителямъ, но Издатель хотѣлъ напечатать *то нибудь*, и Сочинитель замѣчанія долженъ былъ сказать, что онъ въ самомъ дѣлѣ достигъ своей цѣли, помѣстивъ въ семъ собраніи даже такія стихотворенія, которыя написаны на происшествія 1813 и 1814 годовъ.

Въ замѣчаніи сказано, что сіе собраніе содержитъ стихотворенія прекрасныя; слѣдствен-

*) Мы сообщили смыслъ отвѣта, сколько можно, его же словами, выпустивъ только нѣтъ выраженія, которыя не могутъ принести чести учивоссти Господина Защищника.

но всякое огражденіе именами извѣстныхъ нашихъ писателей бесполезно, и Г. Защитникъ, желающій, по видимому, обвинить Сочинителя замѣчанія въ оскорбленіи сихъ особъ, не успѣеть въ семь намѣреній. Возраженіе, что помѣщенные въ семь собраніи стихотворенія хороши потому, что выписаны изъ Журналовъ, очень забавно! Сочинитель замѣчанія, не пощадивъ пьесъ, выписанныхъ изъ Сына Отечества, показалъ свое безпристрастіе. Впрочемъ хотя сей Журналъ и украшенъ былъ произведеніями первыхъ нашихъ пѣснопѣвцевъ, но Издатели его никакъ не берущся отвѣтствовать за достоинство *всѣхъ* стихотвореній, въ немъ помѣщенныхъ, ибо стихотворенія составляютъ не существенную часть Журнала и въ первые мѣсяцы сего изданія не имѣли даже особой статьи. При томъ же Издателямъ Журнала *еженедѣльнаго*, Политическаго, въ важныя, опасныя для Отечества времена, считающимъ за грѣхъ списывать чужіе труды, позволено испортишь двѣ, три страницы изъ пятидесяти, которыя всѣ живущіе только до изданія слѣдующей книжки, а сборщикъ работаетъ надосугъ, для одной цели, съ гошоваго, въ спокойное время, и составляешь не листки, не книжечки на недѣлю, а книги, которыя должны оставаться въ рукахъ публики и къ Библіотекамъ. Надѣмся, что Издатели другихъ нашихъ Журналовъ скажутъ шже.

Защитникъ собранія находишь въ немъ хорошія статьи? Радуемся всѣмъ сердцемъ и охотно соглашаемся, что Сочинитель *пѣсни на поражение Галльскаго Фараона* имѣеть познанія, которыя найдемъ не у всѣхъ нашихъ стихотворцевъ: онъ знаетъ правила стопосложенія, какъ по свойство стопъ, сочешаніе рифмъ, и пр. Замѣчаніе его, что самыя посредственныя и дурныя сочиненія суть только тѣ, которыя распушны и развратны, конечно обрадуешь многихъ нашихъ писателей. Они увидяшь, что

всякое напечатанное сочиненіе (т. е. прошедшее Цензуру) есть и хорошее. Честь и слава защитникамъ и утѣшителямъ дарованій!

Защитникъ нѣсколько разъ говоритъ что сіе собраніе принесло удовольствіе *ему*. Соглашаемся! Кто изъ питомцевъ Музы не почувствуетъ восторга, видя что милое дѣлище его генія пошановлено выше *Пѣвца во станѣ Рускихъ воиновъ*, — перваго изъ стихотвореній на происшествія 1812 года. Онъ говоритъ, что оно принесло удовольствіе *и другимъ*. Прибавимъ: *и пользу!* Издатель его, безъ всякаго почти труда, скропаль довольно толстую книгу, и вѣроятно, при помощи перпѣливыхъ Московскихъ вѣдомостей, продалъ довольно число экземпляровъ.

~~~~~

*Продолженіе статьи о новыхъ Журналахъ — въ
Москвѣ.*

3) *Аиѳіонъ*, изд. Профессоромъ Императорскаго Московскаго Университета *А. Θ. Мерзляковымъ* и Членами Общества Любителей Россійской Словесности при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ *Θ. Ивановымъ* и *С. Смирновымъ*. Въ семъ Журналѣ будутъ помѣщаемы: 1. Критическій разборъ знаменитѣйшихъ Россійскихъ писателей во всѣхъ родахъ прозы и Поэзіи, пріобрѣтшихъ классическую важность и заслужившихъ *всеобщее подражаніе соотечей*. 2. Переводы небольшихъ образцовыхъ цѣлыхъ пьесъ, и избранныхъ отрывковъ изъ древнихъ Греческихъ и Римскихъ Орашоровъ, Исшориковъ и стихотворцевъ, также извлеченія изъ новѣйшихъ Авшоровъ Французскихъ, Нѣмецкихъ и Англійскихъ, наиболее занимательныя или изящностію своего слога или новостію, важностію и силою своего содержанія. 3. Теорія краснорѣ-

чїя и поэзія или сочиненія и переводы *беллетристически*, то естѣ не учебнымъ, но прїятнымъ слогомъ предложенныя въ видѣ писемъ, разговоровъ и пр. о предметахъ, относящихся ко вкусу, къ изящнымъ Искусствамъ и Наукамъ, 4. Любопытныя выписки изъ важнѣйшихъ путешествій (особенно по Россіи) и другія (?) разительныя черты изъ Исторіи древней и новой. 5. Россійскія сочиненія въ прозѣ и стихахъ: Рѣчи, письма, оды, элегіи, пѣсни, эпиграммы и пр. 6-е Извѣстія, подъ именемъ смѣси, о театрѣ вообще, какъ-то о представленныхъ пьесахъ, объ игрѣ актеровъ, о костюмахъ и декорацияхъ; также анекдоты, особенно опечалительныя, относящіяся къ духу, характеру и доблестямъ Россіянъ. — Журналъ сей будетъ выходить ежемѣсячно, въ книжкахъ, въ 7 и болѣе листовъ.

(Продолженіе сей статьи, вѣроятно, будетъ.)

С О В Р Е М Е Н Н А Я И С Т О Р І Я И П О Л И Т И К А.

V.

ТРЕБОВАНІЯ ФРАНЦУЗА.

Въ разныхъ Парижскихъ Журналахъ (въ Journal des Débats, въ Gazette de France въ Quotidienne) помѣщены многія статьи, относящіяся къ переговорамъ конгресса. Во всѣхъ Французскіяхъ представляютъ подъ видомъ ревности и усердія къ общему благу Европы, а преимущественно Германіи, желанія и требованія свои. Нѣкоторыя изъ сихъ статей (особенно статья о Пруссіи въ Journal des Débats 15 Ноября) такого свойства, что Правительству, о которыхъ въ нихъ упоминается, сами должны оповѣщать на

нихъ. Между тѣмъ появилась въ одной Французской газетѣ слѣдующая колкая сашира на всѣ сіи желанія и требованія.

Нота, представляемая конгрессу.

Неужели думаютъ, что вещи могутъ остаться въ томъ порядкѣ, въ которомъ онѣ находятся въ теченіе послѣднихъ шести мѣсяцевъ? Нѣтъ! я не могу тому повѣрять. Надобно немного умѣть разсуждать, а я въ Логикѣ не новичокъ. Я говорю: Европа должна увидѣть наконецъ, что въ ней происходитъ, въ чемъ состоить истинная ея польза, должна наконецъ узнать, что новый порядокъ вещей лишилъ меня 6,500 ливровъ чистаго дохода, который я получалъ изъ Казначейства Е. В. *Короля Испанскаго Иосифа Наполеона* за разныя услуги которыхъ я оказывалъ Е. В. въ загородномъ его домѣ въ Морфоншенѣ и въ другихъ мѣстахъ. Мнѣ кажется, что Европа должна принять сіе въ уваженіе; въ противномъ случаѣ она, позволивъ мнѣ сказать, несправедлива. Займемся симъ дѣломъ со всею подробностію и основательностію истинной политики. Для истинныхъ выгодъ *Россіи* весьма важно, чтобы я не лишился мѣста въ пайной Экспедиціи, которое приносило мнѣ 12 000 фр. ежегоднаго дохода. *Пруссія*, для общаго пользы, должна стараться, чтобы я нанималъ хорошій домъ въ предмѣстіи Сентъ-Оноре, чтобы я давалъ вечеринки и обѣды, чтобы я не былъ принужденъ опустить половину моихъ слугъ, продать лошадей и пр. и тѣмъ соблюсти экономію. Если я не ошибаюсь, то очевидная выгода *Германіи* пребуетъ, чтобы я и впредь пользовался уваженіемъ, которое пріобрѣлъ сначала во время республики и усугубилъ въ царствованіе Императора, разными происками и ужимками. *Австрія, Венгерія, Богемія*, въ нынѣшнемъ отношеніи своемъ къ другимъ державамъ, должны огорчаться, видя, что всѣ стараются унижить и обез-

честишь моего дядюшку, приверженца конспиритуции, за то, что онъ былъ на лѣвой сторонѣ; двоюроднаго моего брата, члена народнаго конвента, за то, что онъ прислалъ къ сторонѣ горы *) роднаго брата моего заставляша въ совѣтъ спарфайшинъ, за то, что вертелся во всѣ стороны, и наконецъ меня за то, что я въ различныхъ обстоятельствахъ слѣдовалъ благоразумному правилу держаться стороны сильнѣйшаго!

Или я совершенный невѣжа въ полишкѣ, или Англія, Испанія и даже Португалія не могутъ долгое время взирать съ хладнокровіемъ на то, что старшій и младшій изъ сыновей моихъ прослужатъ лѣтъ десять Поручиками или Подпоручиками, вмѣсто того, чтобы выскочить вдругъ въ Полковники, въ бригадные или дивизионные Генералы, какъ надѣялись прежде. Могутъ ли дѣти мои, не перзаясь совѣстію, сидѣть дома сложивъ руки, не убивая людей или не подвергаясь смерти? Миръ очевидно сломилъ шею ихъ военной славы — и державы, о которыхъ я упомянулъ, не могутъ взирать на сіе равнодушно!....

Особенно же Турція не можетъ наслаждаться никакою безопасностію, если я ею не наслаждаюсь, и если я не живу въ довольствіи и благоденствіи съ семействомъ моимъ въ предмѣстіи Сентъ-Оноре..... Если диванъ не выставитъ арміи по крайней мѣрѣ въ 200,000 чел. чтобы поднять на ноги Владѣльца острова Эльбы, и прійти ко мнѣ на помощь, то я не преспану говорить, что Турецкое Государство колеблется въ основаніи своемъ.

Вообще — нѣтъ середины! Должно когда нибудь рѣшить, кто сильнѣе. Европа или я, но я имѣю на то право, по всемъ предписаніямъ хорошей полишки. Неужели частныя мои дѣла должны пребывать въ сомнительномъ положе-

---

*) Извѣстная парсія революціоннаго конвента

ни, посреди общаго мира народовъ. Требую на сіе ошвъща у всѣхъ людей, свѣдущихъ въ полициѣ!

VI.

С Л Ъ Д Ы Р Е В О Л Ю Ц И И.

Французская революція кончилась, но оставила по себѣ ужасные слѣды! Нынѣшнее опеченское правленіе Франціи еще долго будетъ занимать исцѣленіемъ ранъ, нанесенныхъ преимущественно нравственности ея подданныхъ. Долго еще обитатели прочей Европы должны починать чадъ легкомысленной Франціи опасными гостями. Вотъ примѣры нынѣшняго зѣвства сего народа, извлеченные изъ *Французскихъ* вѣдомостей, вышедшихъ въ одинъ день, — 12 Ноября н. ст.

За три или четьре дни предъ симъ совершенно въ Парижѣ, въ домѣ спрашное убійство. Человѣкъ лѣтъ 35 или 40 по тѣлу коего примѣнно что овъ былъ досматочень (*portant sur son corps les indices de l'aisance*) пораженъ былъ ножомъ въ сердце. Чтось загладишь слѣды пресупленія и вынести тѣло 9 Ноября (н. ст.) вечеромъ изъ дому, убійцы разсѣкли оное на три часки, и бросили въ прѣхъ разныхъ мѣстахъ города. Полиція приглашаетъ всѣхъ, которые могутъ подать свѣденіе о человѣкѣ, вдругъ пропадемъ не замедлишь извѣщеніемъ; ибо дѣло сіе важно для всѣхъ честныхъ людей: должно лишить способности вредить злодѣя, обagrивнаго руки свои кровію ближняго *).

(*Journal des Débats.*)

*) Тѣло несчастнаго выставлено въ Полицію. Ежедневно множество людей, въ шомъ числѣ и *знатныхъ* *дѣвы*, ходяшь сморѣшь его.

Плачевное происшествіе случилось въ *Кастельно*, что въ департаментѣ des Landes. Нѣкто *Яковъ Кавалери*, по прозвищу *Менонъ*, человекъ 58 лѣтъ, женился въ претій разъ. Въ теченіе 4 недѣль послѣ свадьбы былъ онъ предметомъ насмѣшекъ и шутокъ своихъ согражданъ, наконецъ 24 Октября онъ вышелъ изъ перифрїи и засирѣдиль *Петра Латапи*, описавшаго воинскаго служителя, одного изъ главныхъ виновниковъ сихъ насмѣшекъ.

(*Journal de Paris*)

Слѣдующее происшествіе, описанное въ *Медицинской газетѣ* (*Gazette de Santé*) должно быть обнародовано вездѣ и всѣми.

„Молодой человекъ, уроженецъ и житель города *Нойона*, укушенъ былъ собакою, копорую почитали бѣшеною. Лекаръ залечилъ рану. Шестъ недѣль прошли безъ всякаго приключенія. Вдругъ молодой человекъ почувствовалъ волненіе въ нервахъ и головную боль, легъ, но не могъ уснуть и впалъ въ судорги. На другой день припадки умножились, больной почувствовалъ ошвращеніе ошъ воды, и спалъ просить присутствовавшихъ, чтошъ они вышли, боясь что укусятъ ихъ. Его привязали къ кровати; но онъ былъ въ полномъ умѣ.

Полиція приспавила къ нему людей съ заряженными ружьями. На шретій день судорги умножились; больной распоргъ свои узы и выбѣжалъ изъ комнаты. Всѣ въ домѣ испугались; начали грозить ему и просить присутствовавшихъ, чтошъ они удалились. Повелѣніе *высшаго нагальства* *) рѣшило въ шо время его судьбу. Спрашамъ приказано было его умертвить. Несчастный бросился на колѣна, и умолялъ своихъ судей и палачей о милосердіи; но тщетно. Онъ палъ подъ пулями и ударами штыковъ. Безчувственные члены его также

---

*) Т. е. Мера.

были предметомъ ужаса. Вырыли яму и закопали ихъ. Сколько размысленій рождается при семъ страшномъ происшествіи! Оно случилось въ 25 миляхъ отъ Парижа. Не Гуроны, не Алгокинцы (сказано въ *Gazette de Santé*) отдали сіе звѣрское повелѣніе!

(*Journal de Paris*).

Третьяго дня въ девять часовъ вечеромъ одинъ любовникъ въ бѣшенствѣ умертвилъ свою любовницу, въ улицѣ Neuve des - Petits - Champs. Онъ взялъ подъ спражу.

(*Journal de Paris*).

VII.

С М Ъ С Ъ.

I

Въ *Journal des Débats*, въ кришикѣ на книжку одного Француза (который до революціи былъ Графомъ, во время революціи бѣшеннымъ Якобинцемъ, при Бонапартѣ Меромъ, а нынѣ спалъ опять Comte Félix Lepelletier Saint - Fargeau) сказано между прочимъ: „Да позволено мнѣ будетъ при семъ случаѣ сообщить общее замѣчаніе, которое сто разъ приходило мнѣ въ умъ во время революціи и вдругъ возбудилось нынѣ чтеніемъ сей книжки. Она носитъ характеръ большей части людей, которые самымъ подлымъ образомъ ошличились во время нашихъ полиническихъ смяшеній. Сей характеръ можетъ быть выраженъ слѣдующимъ девизомъ: *дерзость противъ кротости, подлость предъ тиранствомъ*. Взгляните на чадъ революціи, на сихъ людей, которые при началѣ нашихъ бѣдствій дерзко и грубо оскорбляли лучшаго изъ Государей — съ какимъ раболѣпствомъ ползали они предъ без-

человѣчнымъ шираномъ! Сіи мужи, дѣлавшіе свободу, сіи гордые Римляне, сіи Спиританцы, сіи Брушы не находили довольно лести, для поднесенія оной высокому деспоту, который могъ сказать о нихъ какъ Тиварій: *O homines ad servitutem natos!* — Я слышалъ, что недавно одинъ изъ тѣхъ людей, которые осквернили себя самымъ ужаснымъ пресупуденіемъ революціи, получилъ совѣтъ не ходишь въ публичное собраніе, которое удостоилъ своимъ посѣщеніемъ одинъ изъ нашихъ Принцевъ. Онъ не хотѣлъ послушаться сего совѣта, пошелъ въ собраніе и сѣлъ въ шакомъ мѣстѣ, гдѣ всѣ могли его видѣть. Я увѣренъ, что вороваясь домой или бесѣдуя съ друзьями, онъ хвалился симъ смѣлымъ поступкомъ, но по моему мнѣнію, этотъ поступокъ показываетъ одну пошлость! Бѣсѣлибъ пошъ же самой челоуѣкъ имѣлъ несчастіе впасть въ немилость у послѣдняго поваренка Бонапаршовой кухни, то скорѣе скрылся бы подѣ землю, нежели рѣшился предстать предъ гнѣвнаго Повелителя. — Къ несчастію, сихъ людей шакъ много, что народная честь (можешъ бытъ) отъ шого пострадала; нельзя оприцать, нельзя скрывать, въ чемъ нынѣ состоитъ сія народная честь: о шомъ можно только вздыхать и сожалѣть!

А.

В.

Письмо къ Издателямъ.

Проживая на свѣшѣ девятой десятокѣ лѣтъ, и пройдя на мало *иныхъ земель*, какъ имѣлъ честь объяснить вамъ въ письмѣ моемъ отъ 23 минувшаго Іюня сего года, (Журнала *Сынъ Отечества* № 35 на стр. 129 напечатанномъ) много я видѣлъ примѣровъ благошворенія; но какой случился надо мною, шаковыхъ нигдѣ и никогда не встрѣчалось. — Ошправляя къ вамъ

описание моей жизни, моей службы и моего положенія, могъ ли я ожидать, что кто нибудь уважитъ дряхлаго шарика, споящаго уже у гроба, старую его службу и его горестное положеніе? Не станется ль съ нимъ по пословицѣ: *старую службу, какъ старыя кости въ старой гробб кладутъ*, и забываютъ? — Но совсѣмъ вышло прошивное. — Лишь только вы напечатали мое письмо, какъ нѣжность соотчичей моихъ пронулась, и благодаренія, такъ сказавъ, оповсюду посыпались на меня. — Да будешь благословенно и прославленно во вѣки Русское царство! — Не говоря уже о прочихъ, не есть ли это рѣдкое, одному только другу человечества свойственное дѣло: изъ *Санктпетербурга* ошъ 21 Сенября доставлено мнѣ *двѣсти рублей* (200 р.) при утѣшительнѣйшемъ обвадеживаніи подъ линерами М... С.... Т....., въ уваженіи на службу мою и впредь каждагодно снабжать меня шаковымъ же вспоможеніемъ? И такъ, принося предъ лицомъ свѣша чувствительнѣйшую мою благодарность сему великому моему благодѣтелю за его непримѣрную щедрость, обязуюсь непреспанно молить Бога о здравіи и спасеніи его, и чѣдобъ сокрышное ошъ меня имя его Сердцевѣдецъ, написалъ въ книгѣ судьбы живопша вѣчнаго. — Прошу васъ такъ же чрезъ вашъ Журналь объявить искреннѣйшую мою признашельность, приславшимъ мнѣ вспоможенія, много облегчившія вынѣшнюю мою горестную учась: изъ *Санктпетербурга* ошъ 31 Августа *пятьдесятъ рублей* (50 р.) приписанъ мнѣ подъ лиш. А. П. П.; изъ *Новоширгорода* ошъ 24 Сенш. *сто рублей* (100 р.) ошъ Г. Подполковника и Кавалера *Моисея Михайловича Звѣрева*; изъ *Переяславля Залѣскаго* ошъ 17 Сенш. *десять рублей* (10 р.) ошъ неизвѣстной; изъ *Кроленца* *двадцать пять рублей* (25 р.) тоже ошъ неизвѣстнаго изъ *Ефремова* *двадцать рублей* (20р.) ошъ 15 Сенш при запискѣ молиться о упокоеніи души *Настасіи*; изъ *Раненбурга*, *пятьдесятъ*

рублей (50 р.) ошь 20 Сентш. подъ литерою Р.; изъ *Казани* ошь 28 Сентшября двадцать пять *рублей* (25 р.) ошь отца *Архимандрита Епифанія* и изъ *Арзамаса*. 25 Сентш. двадцать пять *рублей* (25 р.) ошь Руской, и чшо я молю денно и ношно, чшобъ Господь Бегъ не забылъ ихъ и въ семь и будущемъ вѣкѣ, какъ они не забыли меня въ моемъ бѣдственномъ положеніи. —

Алексій Савинъ сынъ Полярковъ.

Окш. 30 1814.

Переяславъ

Полтавской Губ.

3.

Б л а г о т в о р е н і я.

139. „Нѣкшо просишь Издашеля С. О. при- даваемые при семь *сто рублей* (100 р.) обра- тивши, по его благоусмотрѣнію, въ пользу и на вспоможеніе какой [либо] вдовѣ съ сиротами. С. П. 6. Ноября 22. 1814.“

Изъ сихъ денегъ Издашель отдалъ *пятьде- сять рублей* (50 р.) не вдовѣ, а женѣ одного больного Чиновника *Иринѣ П.* имѣющей пяте- рыхъ малолѣсныхъ дѣтей, которыя претерпѣ- ваюшь крайній недоспашокъ. Онъ считаешъ дол- гомъ обратишь вниманіе благошворительныхъ особъ на сію несчастную женщину. О кварши- рѣ ея будетъ извѣщено въ слѣд. кн. С. О.

Двадцать рублей (20 р.) вдовѣ Подлекаря *Аинѣ В.* (См. 24 кн. Но 101.)

Объ осальныхъ извѣщено будетъ впредь.

140. Ошь *Г. М. И. З.* получено *двадцать пять рублей* (25 р.)

Сіи деньги были опосланы къ больной По- рушчицѣ *Т.* (см. кн. 12. Но 37.) но не нашли ея въ живыхъ, и упошреблены на ея погребеніе.

Изъ доставленныхъ изъ Тамбова пяти сотъ рублей (см. 43 кн. № 136) отданы сто двадцать пять рублей (25 р.) раненому и больному Чивовнику Л. служившему въ Санкшпешербургской ополченіи.

(3 Декабря.)

ИЗВѢСТІЕ.

Подписка на получение *Сына Отечества* въ печеніе первыхъ шести мѣсяцовъ 1815 года, принимается въ С. П. бургѣ и Москвѣ во всѣхъ книжныхъ лавкахъ. Иногородные благоволяше адресоваться къ С. П. б. Газетной Экспедиціи.

Въ каждой четвершокъ будешь по прежнему выходить книжка и сверхъ того еженедѣльно два прибавленія, содержащія въ себѣ извѣстія о новѣйшихъ заграничныхъ происшествіяхъ. Иногда раздвоятся особыя листки подъ заглавіемъ: *къ Читателяхъ С. О.* — Цѣна за полугодное изданіе или за 26 книжекъ и 52 Прибавленія съ особыми листками здѣсь въ С. П. б. пятнадцать, а съ пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи семнадцать рублей. — Желающіе чпобъ книжки и прибавленія были приносимы въ дома немедленно по напечатаніи оныхъ, благоволяше приелашъ адреса свои къ Издашелямъ въ домъ Г. Паскова Но 52 на Невскомъ проспектѣ прошивъ Госшинаго двора, прилагая за сіе по три рубля въ полгода.
